ИОНИЙСКАЯ НАУКА ДЛЯ ВСЕХ

Карло Ровелли. *Анаксимандр и рождение науки*. Перевод с английского А.В. Смоляка. М.: АСТ, 2024. – 288 с. ISBN 978-5-17-159094-9.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-8-19 УДК 1(091)

Карло Ровелли – всемирно известный физик-теоретик, основоположник теории петлевой квантовой гравитации и популяризатор науки. В роли последнего он прежде всего и выступает в этой книге, посвященной довольно неожиданному для человека его бэкграунда предмету: Анаксимандру из Милета, одному из самых ранних древнегреческих философов, о которых нам хоть что-то известно.

В действительности у этой книги сразу два главных героя: помимо Анаксимандра это, собственно, наука как таковая. Ровелли видит в Анаксимандре отправную точку в истории рационального мышления в целом и европейской науки в частности: подзаголовок одного из английских названий этой книги[1], «Первый ученый», хорошо на это указывает. Таким образом, Ровелли берется за рассуждение сразу в двух областях, в которых он является скорее любителем, чем профессионалом: в истории античной философии и в истории и философии науки (пусть со второй он как профессиональный ученый имеет довольно тесные сношения). Часто подобные затеи заканчиваются самым постыдным для

[1] По ускользающим от моего понимания причинам эта книга существует одновременно под двумя разными заголовками на французском и тремя – на английском языке (тексты этих изданий никак не отличаются). Путаницы для отечественного читателя прибавляет и то, что, хотя оригинал книги – французский (что отражено на титульном листе русского издания), русский перевод сделан с английского (о чём сказано там же).

© Юнусов А.Т., 2025

взявшихся за них образом. Но не в данном случае. Хотя Ровелли любитель в той сфере, о которой он пишет (и книга не лишена определенных признаков непрофессионализма, о которых я скажу ниже), но любитель талантливый, проницательный и добросовестный.

Ровелли не претендует на то, чтобы сказать об Анаксимандре что-то принципиально новое: перед нами не исследовательская монография, но популярное изложение, дополненное любопытной авторской перспективой. Изложение это выполнено точно, доступно, увлекательно и достаточно полно. Отдельно стоит отметить, что в книге много хорошо подобранного графического иллюстративного материала, помогающего читателю где-то лучше понять мысль Ровелли, а где-то – полнее погрузиться в обрисовываемую им атмосферу. В повествовании о фактической стороне дела нет серьезных ошибок и почти нет натяжек. Ровелли также сопровождает пересказ исторического материала своими комментариями, касающимися, во-первых, вероятной аргументации Анаксимандра в пользу его тезисов, какой она представляется ему самому, а во-вторых, причин, сделавших эту аргументацию возможной, и ее ценности. Его реконструкция причин, по которым Анаксимандр приходит к своим выводам, при всей своей незамысловатости и прямолинейности (впрочем, вполне уместной в случае Анаксимандра: едва ли его собственные объяснения могли бы быть замысловатыми) часто весьма правдоподобна (см., например, позаимствованное у Дёрка Купри объяснение того, как тщательное наблюдение за траекторией звезд на небе могло привести Анаксимандра к мысли о том, что Земля окружена пустотой со всех сторон, с. 93–96), хотя многочисленные «разумеется» и «конечно же», которыми он сопровождает свои догадки, несколько режут глаз привыкшему к осторожности в рассуждениях о досократиках историку философии.

В целом комментарии и авторская позиция Ровелли, несмотря на свою простоту, также являются интересными и важными для потенциального читателя этой книги и по большей части вызывают мое согласие по существу. Ровелли замечает, что при ознакомлении с обычными пересказами об учении милетцев о первоначале часто бывает непонятно, «как из такой

бессмыслицы могла родиться философия» (с. 110) – и с этим трудно спорить. Чтобы понять, что ценного можно увидеть в суждениях наподобие «всё есть вода» или «Земля подобна шапочке, вращающейся на голове», человеку, не склонному черпать радость в причудливости причудливых мыслей самой по себе, нужны пояснения. Главное из объяснений Ровелли, которому он уделяет много внимания и к которому он возвращается снова и снова (с. 51; 75; 84; 96–97; гл. 6; с. 158–161; 185; 239; 243–244; 269–270), состоит в том, что ценность милетской *гистории* связана с тем, что она представляет собой рождение критического мышления как такового, попытку самостоятельного и исследовательского объяснения того, что до сих пор объяснялось традицией. Первые шаги этого только нащупывающего свою дорогу нового способа мышления могут казаться нам с высоты наших сегодняшних знаний возмутительно смешными, но по сравнению с традиционными и некритически воспринимаемыми на веру объяснениями мира они представляют собой *гигантский* скачок вперед в той мере, в какой они самостоятельны, основаны на доводах и рассуждении и открыты для обсуждения и пересмотра. Ровелли проводит постоянные аналогии между подходами Анаксимандра и подходами последующей науки, подчеркивая, что способ мышления милетца груб и примитивен, но общая его траектория (постулирование естественной ненаблюдаемой теоретической сущности для объяснения наблюдаемых процессов: с. 119–123; представление о существовании устойчивых законов природы: с. 123–129; уважительное, но критическое отношение к достижениям своих учителей и предшественников: с. 136–138) одновременно революционна по сравнению с тем, что было до него, и совершенно правильна как общее направление. И если наивность и ошибочность заключений милетцев бросается нам в глаза, то, во-первых, едва ли можно ожидать большей изощренности от только нащупывающей свой путь самостоятельной мысли, а во-вторых, сама причина того, что мы можем быть к ним столь снисходительны, в том, что мы очень далеко продвинулись именно на том пути, первый шаг которого сделали они.

Ровелли, впрочем, готов идти еще дальше и сказать, что размышления милетцев вовсе не так смешны и ошибочны, как

может показаться на первый взгляд. Не только способ мышления, но и многие конкретные выводы Анаксимандра кажутся ему грубыми в деталях, но верными по существу. Иногда он явно преступает в этом меру. Так, довольно странной мне представляется та настойчивость, с которой он утверждает, что ответ Анаксимандра на вопрос о том, почему Земля не падает (она находится в центре Вселенной и равноудалена от всех крайних точек, так что у нее нет никаких причин двигаться скорее в одну сторону, чем в другую), «совершенно правильный» (с. 99) и не хуже ответа Ньютона (с. 105) – и это при том, что в поздних главах книги Ровелли решительно выступает против культурного релятивизма и тезиса о несоизмеримости научных высказываний в разных научных системах и их равноценности.

Как бы то ни было, Анаксимандр для Ровелли – это первое звено в длинной и славной истории человеческой науки. Иногда выстраиваемые Ровелли цепи преемственности от Анаксимандра к современным естествоиспытателям вполне разумны, иногда выглядят как натяжка (см. рассуждение о законах природы на с. 123–128: Анаксимандр решил, что природа упорядочена законами (этот вывод сделан Ровелли исключительно на основании текста фрагмента Анаксимандра); Пифагор позаимствовал у него эту идею (Ровелли хочется верить в сообщение Ямвлиха об общении двух философов) и добавил к ней мысль о математическом описании этих законов, Платон задался целью описать в этих терминах движение небесных тел и так далее, через Птолемея, Коперника, Кеплера и Ньютона к современным физикам; но у истоков всей этой величественной истории стоит Анаксимандр). Но хотя иногда излишнее рвение итальянского физика вызывает улыбку, его оценка ценности мысли Анаксимандра в истории человечества в целом кажется мне совершенно верной.

Приятно, что Ровелли уделяет должное внимание источниковедению: несмотря на популярный характер книги, он не преподносит сведения об Анаксимандре как свалившиеся с неба, а указывает, в каком виде и через какие руки они до нас дошли (например, с. 64–65; 73–74). Читателю весьма полезно иметь представление об этом пути. Бывает автору свойственна и разумная осторожность (мы не знаем об отношениях Фалеса

и Анаксимандра и была ли в Милете школа: с. 130–131). Однако периодически эта осторожность сменяется довольно смелыми и плохо обоснованными утверждениями (школа, наверное, была: с. 131), а иногда Ровелли и вовсе позволяет себе в пересказе источников вольности, граничащие с подлогом – что тем опаснее, что он не дает в этих случаях ссылок на конкретные источники и места, в которых почерпнуты пересказываемые им сведения. Например, Сократ у него встает после (а не во время) исполнения на сцене «Облаков» Аристофана и делает это, «чтобы сообщить о своем присутствии и поприветствовать зрителей» (с. 79, ср. Ael. *VH* II.13), а одним из обвинений против него на суде, по мнению Ровелли, было то, что он объяснял метеорологические явления без ссылки на богов (с. 80). В другом месте он говорит, что «христиане сожгли и опустошили Великую [Александрийскую. – *А.Ю.*] библиотеку» (с. 238): для этого распространенного в популярной интеллектуальной культуре мнения нет никаких хороших оснований в источниках.

В изложении и обсуждении тех тем, которым посвящена книга, Ровелли опирается на прекрасную исследовательскую литературу (Чарльз Кан, Марсель Конш, Дёрк Купри, Дж.Э.Р. Ллойд, Жан-Поль Вернан и т.д.), которую он, насколько можно судить, основательно проштудировал. Подкупает и то, что, в отличие от многих своих коллег, Ровелли очень хорошо знает по первоисточникам историю науки – многие ли современные физики читали «Альмагест», «Об обращении небесных сфер», «Два диалога», «Математические начала», работы Фарадея, Максвелла и т.п.? И всё же периодически недостаток профессионализма автора дает о себе знать.

Так, Ровелли несколько раз повторяет важную, видимо, для него мысль о досадной пропасти между естественными и гуманитарными науками, образовавшейся в современном знании, списывая на нее многие беды, включая недооценку величия Анаксимандра современными людьми. Отрадно, что сам он, физик-теоретик, пытается эту пропасть преодолеть, ввязываясь в написание книги на глубоко гуманитарную тему. И хотя зазор действительно есть, те свидетельства в его пользу, которые приводит Ровелли, выглядят очень странно, и, кажется, связаны с тем, что в предмете, о котором он пишет, – он скорее

любитель, чем профессионал. Так, на с. 90 он сетует на то, что, обсуждая «Федон» Платона, исследователи больше обращают внимания на рассуждения о бессмертии души, чем на первое прямое историческое свидетельство мысли о шарообразности Земли. Но на тот факт, что здесь Земля впервые описана шарообразной, вопреки словам Ровелли, обращают внимание почти все комментаторы. Да, по большей части они этим указанием ограничиваются, тогда как бессмертие души подвергается куда более обстоятельному обсуждению. Но причина этого не в естественно-научной неграмотности историков философии, а в том, что о бессмертии души Платон в «Федоне» рассуждает тщательно и подробно, предлагая в пользу этого тезиса сложную, интересную и содержащую множество трудностей аргументацию: здесь есть, что обсуждать, комментировать и исследовать. Тогда как мысль о шарообразности Земли вводится, хотя и красочно, но довольно кратко и без обоснований: с чем именно мог бы работать здесь историк философии?

В других случаях Ровелли ломится в открытую дверь. Так, он утверждает, что Анаксимандр недооценен в истории мысли (с. 14), а говоря о переходе от мифологических к естественно-научным объяснениям, случившемся в Милете, он утверждает, что «этот переход между двумя эпохами был упущен из виду» древними и новыми авторами (с. 76–77). Но лично мне трудно указать на какие-либо релевантные источники, где роль ионийской научной революции, одним из творцов которой был Анаксимандр, всячески бы не подчеркивалась; кроме того, сам же Ровелли приводит в другом месте (с. 109) цитаты Чарльза Кана (одного из главных исследователей Анаксимандра) и Карла Поппера (одного из самых уважаемых теоретиков научного метода), выносящих самую высокую оценку значимости мысли милетца. С другой стороны, Ровелли утверждает, что современные мыслители недооценивают Анаксимандра, потому что они виновны в «непонимании некоторых центральных аспектов научной мысли» (с. 16), и после этого триумфально объясняет природу научного знания: оно – не набор окончательных застывших истин, а критический поиск, постоянно подверженный пересмотру и расширяющий наше понимание собственного незнания (с. 16–20). Для человека, знакомого с современной

философией науки хотя бы на самом поверхностном уровне, это выглядит как набор трюизмов, и трудно понять, кто бы из людей, которым вообще известно имя Анаксимандра, мог этого не понимать. Стоит, впрочем, признать, что, во-первых, суждения Ровелли являются хотя и вовсе не столь прорывными, как кажется ему самому, но всё же истинами, и истинами действительно *важными*, а во-вторых, читатель этой книги, в отличие от тех, кому ее автор адресует этот упрек, может этих истин действительно не знать: в конце концов, известное известно немногим, а «Анаксимандр» написан в жанре популярной книги и обращен к широкой аудитории.

Временами Ровелли свойственно высокомерие талантливого любителя, накладывающееся на высокомерие естественного ученого. Так, обсуждая «апейрон» Анаксимандра, он говорит, что не будет «вступать в дискуссию о точном значении этого термина», поскольку считает ее «нерелевантной с *научной* (курсив мой. – *А.Ю.*) точки зрения» (с. 117), и далее замечает, что важно не то, почему Анаксимандр назвал так свое первоначало, а какую роль оно играет в его системе (в конце концов, наименования типа «электрона» или «кварка» совершенно случайны). Это показывает, что Ровелли не понимает, почему о значении анаксимандровского τὸ ἄπειρον ведутся споры: дело в том, что при скудности свидетельств и сомнениях в их надежности понимание мысли, лежащей за выбором наименования, само участвует в реконструкции того, что под ним имелось в виду и как оно должно было работать в системе. Можно понимать, как долгие и туманные споры об этом могут раздражать естественника, привыкшего к быстрой ясности, но это именно *научный* вопрос.

Местами Ровелли склонен выдавать желаемое за действительное. Так, ему, судя по всему, хотелось бы видеть в милетцах чистых натуралистов, полностью исключивших божественное из сферы объяснения мира. Поэтому он отвергает свидетельство Аристотеля о Фалесе (с. 231), согласно которому тот, возможно, думал, что всё полно богов, и подчеркивает свидетельство Августина, который утверждал, что Анаксимандр не приписал ничего божественного уму (с. 232). Пафос Ровелли понятен и в какой-то мере симпатичен, но едва ли у нас есть для

него надежная почва. Милетцы, безусловно, искали объяснения, альтернативные объяснениям *традиционной* религии, но, как особенно ярко показывает пример Аристотеля, отрицать традиционную религию – не обязательно значит полностью исключать божественное из сферы объяснения естественного мира. Тенденция, которую намечает ионийская *гистория*, безусловно, *ведет в сторону* натурализма и отказа от апелляций к божествам в объяснениях, но история последующей греческой мысли, не исключая и ее наиболее натуралистических представителей (эпикурейцев), скорее показывает, что столь резких и немедленных границ, как представляется Ровелли, в этой сфере никогда не было. И дело не ограничивается мыслью греческой: еще Ньютон прибегал к рассуждениям о «чувствилище Бога» в своих теориях (на что ссылается и сам Ровелли – с. 243)[2].

Примерно в середине книги повествование Ровелли об Анаксимандре постепенно начинает сопровождаться обсуждением некоторых более общих тем. Читателю предлагаются краткие исторические очерки о других милетцах (с. 111–116), о Пифагоре (с. 124–125), Платоне (с. 125–128), о доклассической, микенской Греции (с. 142–147), о греческом алфавите (с. 147–155). Все они вполне уместны при разговоре об Анаксимандре и зарождении критической мысли в Древней Греции для прояснения контекста соответствующих событий и попытки их объяснения. Ровелли повторяет хорошо известные тезисы о связи зарождения рациональной мысли в полисной Греции с ее политическим устройством (демократическая состязательность; отсутствие облеченного политической или религиозной властью сословия: с. 155–161), с широким распространением алфавитного письма и обширными культурными контактами Милета (с. 161–168), ссылаясь, разумеется, на Вернана и других достойных исследователей «греческого чуда». Его не в чем упрекнуть: эти довольно внятно и проникновенно пересказанные им тезисы так же разумны сегодня, как и в то время, когда они впервые были высказаны, а известное вновь известно немногим.

---

[2] Эти мои замечания не следует расценивать как *поддержку* подобного научно-религиозного синкретизма; в его оценке я полностью на стороне Ровелли. Но это не должно мешать признанию исторических фактов

В последних главах (начиная с 8-й и особенно в гл. 9–11) Ровелли отходит от собственно Анаксимандра довольно далеко, и имя милетца почти перестает встречаться в тексте. Книга становится похожей скорее на эссе о науке и научном мировоззрении (в понимании Ровелли) в целом, чем на повествование об Анаксимандре. Ровелли обсуждает природу научного знания (гл. 8), поиск истины в контексте культурного релятивизма (гл. 9), проблему соотношения науки и религии (гл. 10), мифопоэтическое мышление, возникновение и природу религии (гл. 11). Используя ту мерку, с которой он сам подходит к Анаксимандру, можно сказать, что не всегда его способ выражения и уровень дискуссии кажутся мне вполне удачными (многое из того, что Ровелли, галопируя, обсуждает здесь, куда сложнее, чем ему, судя по всему, кажется[3]; но для любителя его рассуждения весьма достойны, и большей тонкости, пожалуй, нельзя ожидать от популярной книги), но общая интенция и направления мысли, как правило, вызывают мое согласие.

Особенно интересны в этой части взгляды одного из ведущих физиков-теоретиков современности на философию науки и эпистемологию. Ровелли отвергает инструментализм и принимает некоторую версию реализма, а также солидаризируется с фаллибилизмом и антифундаментализмом. Он также дает краткий очерк теорий Поппера и Куна и довольно рудиментарную критику их воззрений. Немного (и не совсем заслуженно) достается Попперу, но куда больше (и, пожалуй, куда более заслуженно) – Куну. Ровелли недоволен тезисом американца о том, что научные революции происходят в виде радикального разрыва со старой парадигмой, и пытается показать, что в значительном количестве самых важных случаев научных прорывов, от Коперника до Эйнштейна, глубокая преемственность

[3] Например, его критика культурного и ценностного релятивизма (при признании релятивизма ограниченного) является несколько топорной, и сам тот релятивизм, который оказывается под огнем, может быть сформулирован лучше и защищен хитрее, чем то кажется Ровелли; впрочем, такие «тонкие» версии релятивизма в широкой культуре не в ходу, а Ровелли направляет свой удар именно по тем культурным явлениям, которые актуально присутствуют в широкой, популярной интеллектуальной дискуссии.

новой научной теории по сравнению со старой не позволяет говорить о разрыве: «Несоизмеримость? Очевидно, что перед нами одна и та же исследовательская программа. Если и существуют два человека, которые по-настоящему понимают друг друга, то это Птолемей и Коперник» (с. 198).

В целом можно сказать, что несмотря на все свои недостатки «Анаксимандр» Ровелли представляет собой весьма достойную и полезную книгу. За недостатком конкурентов – это сегодня лучшее популярное введение в раннюю греческую философию на русском языке для самого широкого круга лиц: написанное доступно, добросовестно, увлекательно, с опорой на материал и с привязкой к актуальным сюжетам и проблемам современности.

Несколько слов об издании книги. Предложенный читателю перевод выполнен по большей части на хорошем и прозрачном русском языке; встречаются, однако и досадные ошибки и странности. Так, на с. 180 сказано:

> Четырнадцать миллиардов лет назад Вселенная сжалась и превратилась в огненный шар.

Сжалась и превратилась? Это подразумевало бы, что Ровелли считает, что до Большого Взрыва Вселенная также существовала в несжатом состоянии. В действительности Ровелли говорит всего лишь: «…was squeezed into a fireball» (p. 110)[4], т.е. «была сжатой в огненный шар».

На с. 183–184 английское прилагательное visionary, употребленное в отношении науки, передается как «провидческая»; но речь здесь не о провидцах, а о визионерах (как это же слово совершенно верно переведено на с. 210).

На с. 218 переводчик не разобрался в несложном сюжете из истории науки. Ровелли описывает два астрономических измерения, произведенных примерно в одно и то же время в разных точках нашей планеты.

---

[4] Ссылки на английский текст – по изданию Carlo Rovelli. *The First Scientist. Anaximander and His Legacy* (Yardley: Westholme, 2011). Поскольку перевод сделан с английского, то несмотря на то, что оригинальным изданием следует считать французское, я сверял текст именно с английским его вариантом.

> Первое – это знаменитое измерение высоты Солнца над горизонтом на основании географической широты, выполненное Эратосфеном […]. Второе измерение – идентично тому, что было выполнено в Китае примерно в то же время, но с другой целью.

В итоге получается как будто три измерения – одно сделано Эратосфеном, второе – в Китае, а третье – где-то еще (где?), и оно «идентично» второму. Кроме того, высота Солнца над горизонтом каким-то образом выясняется *на основании* географической широты. В английском варианте читаем:

> The first is the celebrated measurement of the variation with latitude of the height of the Sun on the horizon, performed by Eratosthenes […]. The second measurement is the same one, made in China at more or less the same time, but with a different goal (p. 135).

То есть по-русски должно быть: «Первое – это знаменитое измерение *разницы* высоты Солнца над горизонтом *в зависимости от*[5] географической широты, выполненное Эратосфеном. Второе измерение, *точно такое же*, сделано в Китае примерно в то же время, но с другой целью».

На с. 257: название работы Марселя Гоше «The Disenchantment of the World» переведено как «Разочарование мира». Гоше явно имеет в виду термин Вебера, который на русский принято переводить как «расколдовывание», а не «разочарование».

Посетовать можно также и на то, что греческий текст во всех случаях, кроме одного (фрагмент Анаксимандра на с. 63), напечатан совсем без диакритик и часто с орфографическими ошибками. Ясно, что в обращенной к широкому читателю книге греческий текст – это скорее роскошное излишество, но уж если издатель решил печатать греческие символы, то надо бы это делать как следует.

Наконец, стоит отметить и еще одну не слишком приятную особенность русского издания книги: вместо раздела с примечаниями и библиографией нас на последней странице книги приветствует qr-код, ведущий на интернет-страницу издательства с этими разделами работы Ровелли. С такой практикой

[5] На схеме на с. 219 переведено именно так, и это правильно.

я сталкиваюсь впервые; надеюсь, она не пустит корни в отечественном книжном деле (а это решение именно русского издания – в английском и французском изданиях эти разделы напечатаны под одной обложкой с остальным текстом). Срезание ссылочного аппарата и библиографического раздела из соображений экономии в книге, объясняющей широкому читателю, что такое организованный научный поиск и коллективное исследование, выглядит печальной аллегорией существования науки в Отечестве.

Институт философии РАН **А.Т. Юнусов**
forty-two@mail.ru

У.К.Ч. Гатри. *История греческой философии*. Том 5. *Поздний Платон и Академия*. Перевод с английского Н.М. Селивёрстова под редакцией В.В. Прокопенко. СПб.: Владимир Даль, 2024. – 799 с. ISBN 978-5-93615-361-7.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-19-29 УДК 1(091)

Издательство «Владимир Даль» продолжает публиковать перевод шеститомной «Истории греческой философии» шотландского филолога-классика и историка философии У.К.Ч. Гатри (1906–1981), выпустив пятый том, в оригинале вышедший в 1978 г. Формально и содержательно он является второй частью предыдущего тома: оба они посвящены Платону, пятый – диалогам, традиционно считающимся поздними («Кратил», «Парменид», «Теэтет», «Софист», «Политик», «Филеб», «Тимей», «Законы»), spuria et dubia, письмам, «неписаному» учению Платона, а также его ближайшим соратникам (Евдоксу Книдскому, Спевсиппу, Ксенократу, Гераклиду Понтийскому).

Поскольку это продолжение, к нему применима та же самая общая характеристика, что и к первой части: благодаря

© Наранович С.В., 2025